

СИМВОЛИЗМ БЫТИЯ

Колесникова Г.И.

*Таганрогский институт управления и экономики,
Таганрог, e-mail: galina_ivanovna@kolesnikova.red*

В статье доктора философских наук Г.И. Колесниковой «Символизм бытия» раскрывается значение символа в жизни человеческого общества. Указывается, что, не смотря на существующую связь с психикой, духовная жизнь, по своей сути, сверхпсихична, хотя на протяжении многих веков понятия духовность и религиозность воспринимались неразрывно. Сделан вывод, что большее значение в жизни людей играет активное присутствие символа, чем сознательный опыт, поскольку бессознательное манипулирует сознательным опытом через его оценивание посредством символа. Выделены три фактора, определяющие воздействие символа на личность: страх, рационализация, целенаправленные осознанные усилия личности по созданию своего мира. Определено, что сущность личности определяется через направленность трактовки символа, определение которой совершается в результате выбора между животным и божественным мирами, если оперировать терминологией гениев античности или индивидуализмом и стремлением к совершенству через творчество – в терминологии мыслителей XX века.

Ключевые слова: символ, бытие, личность, миф, архетип, религия, искусство, сознание, бессознательное, иррациональное

SYMBOLISM OF BEING

Kolesnikova G.I.

Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, e-mail: galina_ivanovna@kolesnikova.red

The article of Doctor of Philosophy G.I. Kolesnikova «The symbolism of being» is revealed the character of symbol in human society. Specified that, despite the existing link with the psyche, the spiritual life, in essence, is superpsyche, though for many centuries the notion of spirituality and religion are inextricably perceived. It was concluded that more important in people's lives plays an active presence of symbol than conscious experience, since the unconscious is manipulation the conscious of experience through its assessment by the symbol. Are allocated three factors that determine impact of a symbol on the personality: fear, rationalization, deliberate conscious effort of the individual to create his world. It was determined that the essence of the personality is determined by the direction of the interpretation of the symbol, the determination of which is done by selecting between the animal and the divine worlds, if using terminology geniuses of antiquity or the individualism and the pursuit of excellence through creativity – in the terminology of the thinkers of the twentieth century.

Keywords: symbol, being, personality, myth, archetype, religion, art, consciousness, unconscious, irrational

Символизм играет в жизни человеческого общества гораздо большую роль, чем это принято полагать. Не случайно князь Евгений Трубецкой в 1916 году в разгар первой мировой войны читал в Москве публичную лекцию в которой через призму символизма в древнерусской иконописи раскрывал вопрос о смысле жизни человеческой и будущем мира. Прошло сто лет. И этот вопрос не потерял своей актуальности. Отчего? Да от того, что Вселенная Богочеловека начинается и заканчивается самоопределением личности в направленности души, которое заключено в дихотомии, если придерживаться терминологии используемой Трубецким, между миром животным, зверечеловеком или богочеловеком и миром божественным. И в этом выборе особое место принадлежит символу: не случайно все религии мира используют язык символов как словесного, так и зрительного ряда для проявления во вне той скрытой напряженной жизни, ко-

торая протекает, прежде всего, на уровне жизни духовной «...ибо духовная жизнь дана не в психических процессах, а в самом «я», в самой «самости», которая стоит над временем, хотя и проявляет себя во времени» [6, 123].

Мы имеем в виду, что, несмотря на существующую связь с психикой, духовная жизнь, по своей сути, сверхпсихична. На протяжении многих веков понятия духовность и религиозность воспринимались неразрывно. В течение всей мировой истории религия всегда имела экзотерическую (внешнюю) и эзотерическую (тайную, сокрытую) стороны. Религии Древнего Египта, Индии, Китая, Греции [9] и других стран – все они подтверждают эту двойную традицию. С другой стороны, как бы ни различались внешние стороны религий, их внутренние учения идентичны по своей сущности. Внутренняя правда о Вселенной и человеке, выраженная в религии Древнего Египта, совпадает с правдой Вед, древнего

религиозного учения индусов, и с истинами Буддизма, Эллинизма и, конечно, Христианства, а все они вместе с теми данными, которые в современном мире называют «научные исследования». И здесь мы не одиноки в своём утверждении важности символа, который «царит» в бессознательном и через него фактически управляет сознанием.

Идея о существовании бессознательного восходит к учению Платона о познании-воспоминании. Своему отождествлению с психофизиологической деятельностью мозга бессознательное обязано Декарту. Лейбниц, четко сформулировав концепцию о бессознательном, низвел, тем не менее, его до низшей формы душевной деятельности, «океана темных перцепций» (восприятий). Д. Гартли, дав строго материалистическое объяснение, связал бессознательное с деятельностью нервной системы. Кант связывал бессознательное с вопросом о чувственном познании. В романтизме бессознательное, наконец, после долгих лет «унижения» и «непонимания» возвели на пьедестал глубинного источника творчества. Шопенгауэр создал иррационалистическое учение о бессознательном. Гартман, продолжив учение Шопенгауэра, возвеличил бессознательное до универсального принципа, некоей основы бытия. С девятнадцатого столетия бессознательное начали изучать в психологическом аспекте. Так, в 1824 году, Герbart предложил взгляд на бессознательное, как место, в которое вытесняются из сознания идеи, не теряя, однако, в результате данного вытеснения своих динамических свойств и продолжая оказывать влияние на сознание. Шарко, воздействуя на бессознательное при помощи гипноза открыл его психическую деятельность патогенного характера, происходящую помимо сознания индивида. Фрейдю обязана закрепившаяся за бессознательным репутация «свалки» на которую сознание выбрасывает (вытесняет) воспоминания, мысли, желания, не совпадающие с социокультурными нормами. Юнг расширил представление о бессознательном, введя кроме личного, понятие коллективно-бессознательного. В советской психологии бессознательное изучали Д.Н. Узнадзе, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, В.С. Ротенберг. Акцент в данных исследованиях ставился на психофизиологических аспектах, анализе снов и гипнотических состояний, а также явлениях автоматизма в разных сферах деятельности.

То есть, бессознательное определяется, в широком смысле, как совокупность психических процессов, операций, состояний, происходящих вне сознания личности. Данное понятие применяется в филосо-

фии, психологии, психиатрии для характеристики индивидуального и группового поведения, цели и последствия которого не осознаются. Глубоко исследовался вопрос о взаимоотношении сознательного и бессознательного, бессознательного и иррационального, а также проявления и взаимодействия данных составляющих с внешним миром. (Иррациональное, как термин, происходит от латинского *irrationalis* — неразумный, бессознательный, находящийся за пределами разума, алогичное). Понятие иррационального является одним из основных в идеалистических философских направлениях (Бергсон, Гартман, Шеллинг, Шопенгауэр [2]).

С развитием кибернетики предпринимались исследования, направленные на построение целостной теории, объясняющей механизмы и структуру бессознательного. Предполагается, что в бессознательное, в его структуру входят иррациональные составляющие личности, проявляющиеся вовне в нестандартных ситуациях или ситуациях, провоцирующих возникновение психоэмоционального напряжения. Сама по себе структура личности со времен Фрейда представляется как состоящая из трех иерархических сфер, однако их соподчинение мыслится по-разному. С позиции Левицкого данное соотношение будет следующим. Подсознательная сфера, в которой находятся отличительно безличны, стихийные влечения (биоорганическое – инстинкт самосохранения; психоорганическое – стремление к наслаждению; психическое – стремление к самоутверждению). Сознательная сфера – Я – центр сознания, дающее направление развитию сознания и его взаимодействию с подсознательными сверхсознательными влечениями – подавление их, вытеснение, сублимирование. Сверхсознательная сфера является источником религиозно-моральных императивов и творческих вдохновений. У Фрейда сверхсознание представлено как особая функция подсознания. С позиции персонализма, сверхсознание является высшей психической инстанцией личности.

Современные философско-психологические направления включают в себя те, которые помогают личности осознать самое себя (психоанализ, логотерапия Франкла [8]), и те, которые направлены на осознание личностью ошибок во взаимодействии с внешним миром и выработку более успешных стратегий поведения (Гриндера и Бендлера [1]). В последнее время появляются и принципиально новые течения, стремящиеся объединить в себе обе эти составляющие. И к ним, в первую очередь, относятся работы Дилтса [5].

В отечественном научном пространстве, в связи с данными направлениями, возможно назвать имена В.Н. Мясищева [7], одним из превалирующих моментов в научной деятельности которого являлось изучение личности и характера не как формально-динамического, а как структурно-содержательного целого, определяемого условиями общественно-индивидуального развития, и М.Е. Бурно [3], создателя метода, носящего название – терапия творческим самовыражением, цель которого заключается в оказании помощи клиенту в раскрытии его творческих возможностей вообще, и в его профессии, в частности. И это соотносится и с идеями Франкла о поисках смысла бытия, и свойственной представителям экзистенциального направления углубленностью в уникальность личного опыта. Но ценность его заключается также и в присутствии этому методу своеобразном уравновешивании внешне разнонаправленных идей, возвышая, одухотворяя личность, обращаясь к духовным ее компонентам, продолжая в этом смысле лучшие мистические традиции. И это равновесное соединение мнимых противоположностей является одновременно и ценным дополнением к существующим концепциям развития личности.

Таким образом, для всех концепций об индивидуальном бессознательном Фрейда, Юнга, Маркса и их последователей, а также концепций о структуре личности, не смотря на их различие, справедливым будет мысль высказанная Фредом о том, что большая часть того, что реально внутри нас, не осознается, а большая часть того, что осознается, нереально. Именно в этом тезисе содержится ключ к пониманию функционирования символа и его воздействия на индивидуальное и коллективное бессознательное, минуя сознание, а затем «появление» в социальной части личностного сознания, и через рационализацию воздействует на общественное сознание в детерминированной социальной среде направляя поведение, мысли и чувства людей в заданное символом направлении.

То есть, сила воздействия символа определяется тем, что, как показывают психологические практики древнего мира и учит большинство практик современной психологии, большее значение в жизни людей играет активное присутствие символа, чем сознательный опыт, поскольку бессознательное манипулирует им (сознательным опытом) через его оценивание посредством символа.

Подобный подход к символу, как автономному и самопроявляющемуся в структуре личности, с одной стороны ограни-

чивающему, но, с другой, «отбирающему» личность у запрограммированной социальной среды и «охраняющему» ее автономность, хотя и является очевидным для нас, но можно расценивать и как революционный шаг, несмотря на достаточно солидный возраст некоторых из перечисленных в связи с этим направлений.

Так социальный утилитаризм занимался в принципе только вопросом самоотречения ради людей и человеческого общества. Европейское мышление, со времен Декарта и его знаменитого изречения (*Cogito ergo sum*) не приемлет идею универсальности характера самоотречения, а вместе с ним и идею самосовершенствования личности, что объясняется, в первую очередь, его стремлением создать рациональную этику, содержащую общезначимые рецепты.

Однако создание такой этики возможно только в том случае, если она имеет под собой твердую почву не только в сфере интересов человеческого общества вообще, но в сфере интересов личности и возможности ее развития. Этика же рационализма поглощена целиком рассмотрением существования как такового, обрекая себя тем самым на бесконечную полемику с натурфилософией. Причина этого кроется, на наш взгляд, прежде всего в том, что размышления о духовности были направлены на абстрактное понятие бытия вместо действительного. Это заблуждение возникло вследствие попыток понимания идей самосовершенствования в рамках натурфилософии.

Таковую же ошибку совершила, в свое время, и китайская философия, когда полагала, что «безличное» мирового процесса скрывает тайну истинно этического и, в связи с этим, определяя сущность духовного самоотречения ради бытия, утверждала необходимость отречения людьми от своих внутренних, субъективных мотивов и подчинение своего поведения законам объективности, которые они открывают в мировом процессе. Истинной этикой жизни «в соответствии со смыслом событий», возможно, могла бы стать этика Чжуан-цзы и Ницше.

С другой стороны, предположение о том, что в мировом процессе господствует объективность, подающая пример для поведения людей, есть не что иное, как попытка этического истолкования мира, предпринятая при весьма небольшом, на наш взгляд, наборе средств, и как пример тому здесь мы можем привести идею о соответствии бытия со смыслом мира у Лао-цзы и Чжуан-цзы, что в их понимании означает внутреннее освобождение от душевного беспокойства и от внешних событий. Европейским

мышлением подобное направление воспринималось как полное отречение от всяких чувств и привязанностей, отсутствие каких-либо обязательств. Но подобное «отмирание» чувств до их полного исчезновения сродни умиранию и смерти и низводит смысл жизни к смыслу смерти, а именно смысл жизни, в подобном восприятии, предстает как искусство умирания и смерти.

То есть, способность к символизации бытия, таким образом, является нам важной отличительной чертой человека сознающего, как способность не только восприятия действительности окружающего мира посредством деятельности, но и индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается его деятельность, осознаваемая как «значение-для-меня».

Внесение подобного личностного смысла исторически связано с представлениями Выготского о динамических смысловых системах индивидуального сознания личности, выражающих единство аффективных и интеллектуальных процессов.

Мы думаем, что в подобном контексте личностный смысл, создаваемый, в том числе, посредством символизации бытия, является значимой единицей бытующей на границе сознательного и бессознательного и связывающий эти две структуры воедино для решения проблемы соотношения индивидуального и социального сознания в жизни личности.

Кроме того, символизация бытия влияет как на образ субъективной картины мира и её фрагментов включающих самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий, так и образ мира – целостную, многоуровневую систему представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности, и оказывающие в совокупности влияние на проявление личности себя в мире посредством определенного поведения по отношению к каждому из представленных субъектов взаимодействия. И подобная непосредственная коммуникация, являющаяся, по сути, неким обменом символами, включает в себя важнейшую особенность способности человека «принимать роль другого» (Д. Мид), индивидуальное исполнение которой имеет определенную личностную окраску. Подобная личностная окраска роли зависит, прежде всего, от особенностей личности, а именно: знаний, умения находиться в данной роли, ее значимости для него, стремления в большей или меньшей степени соответствовать ожиданиям окружающих. Кроме того, диапазон и количество ролей, как мы знаем,

исполняемых личностью, определяется также многообразием социальных групп, видов деятельности и отношений, в которые включена данная личность, а также ее потребностями и интересами.

Таким образом, любые отношения личности находят свое проявление в деятельности, важнейшими особенностями которой, по мнению основателя деятельностного подхода в философии и психологии С.Л. Рубинштейна, являются социальность, понимаемая как осуществление деятельности только субъектом (человечеством, группой субъектов, личностью) и возможность определения деятельности через взаимодействие субъекта с объектом. Разработанный Рубинштейном всеобщий принцип детерминизма: внешние причины действуют только через внутренние условия того, на кого или на что эти внешние воздействия оказываются, лег в основу созданной позднее им и его учениками теории мышления, в которой мышление понималось и как деятельность, и как процесс. В основе данной теории лежит представление о том, что при объяснении любых психических явлений личность выступает как целостная система внутренних условий, через которую преломляются все внешние воздействия. Таким образом, существующее представление о поведенческой деятельности как жестко структурированной превращается в понимание ее как индивидуального акта проявления и явления личности себя миру.

Однако, если рассматривать идею освобождения от чувств, включая в понятие «чувства» гамму, воспринимаемую в общечеловеческом смысле как негативную (гнев, зависть, жадность, эгоцентризм...), идея явления личности себя миру и освобождения от него воспринимается в совершенно новом свете, как путь самосовершенствования, путь устранения фальшивых нот, путь гармонии. И тогда перед нами предстает жизнь в соответствии со смыслом мира, как это было у Конфуция и Мао-цзы: человеческое мышление возводится в «бытие-в-подобие-миру», где этическая воля человека, так или иначе предписывает мировому духу этический характер с тем, чтобы найти в нем самое себя, постичь эту закономерность в акте сознания как принадлежащую ему внутренне и духовно.

Таким образом, эффективность воздействия символа может быть обусловлено тремя факторами воздействующими либо одновременно, либо последовательно, либо доминантно. Первый фактор – страх, являющийся мощным психологическим механизмом регуляции поведения как личности, так и групп и масс людей, и строго говоря,

и животных. Второй фактор – рационализация. Именно благодаря рационализации личность впадает в иллюзию, что то, что она делает, является результатом ее свободного выбора, который она объясняет для себя моральными или разумными причинами, однако и моральные нормы и идеи не являются ее собственными, а усвоены ее сознанием в результате социализации. Третий фактор – целенаправленные осознанные усилия личности по созданию своего мира. И в этом случае осознанная целенаправленность изначально направляется на фильтрацию предоставляемых обществом символов, установок, норм, правил и «переплавляя» их формирует «стрезень личности».

Таким образом, сущность личности определяется через символику и направленность ее трактовки, определение которой совершается в результате выбора между

- животным и божественным мирами, если оперировать терминологией гениев античности Сократа, Платона, Аристотеля;

- зверечеловеком и богочеловеком – в терминологии христианских мыслителей;

- индивидуализмом и стремлением к совершенству через творчество – в терминологии мыслителей XX века.

И это самоопределение личности наделено глубоким сакральным смыслом, поскольку выбор мира. – каким ему быть, будущее человечества, гармония гармоний вселенной о которой писал Гершензон в работе «Тройственный образ совершенства», начинается и заканчивается в сердце человека как залого гармонического (божественного) единства.

Как тонко заметил Герман Гессе в «Игре в бисер»: «каждый из нас лишь человек,

лишь попытка, лишь нечто куда-то движущееся. Но двигаться он должен туда, где находится совершенство. Вовсе не к какому-то совершенному учению, а к совершенствованию самого себя» [4, 432].

Именно в этом смысле мы говорим о приоритете личностного бытия над всеобщим и важности символа в личностном бытии, поскольку именно символ выступает в роли Ариадниной нити, выводящей из лабиринта выборов и помогающей одержать победу человека над зверем.

Список литературы

1. Бендлер Р., Гриндер Дж. Структура Магии. – Ч. 1, Ч. 2 – М., 2007.
2. Бергсон А. Длительность и одновременность. – СПб., 1923. – 154 с.; Гартман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе // Культурология. XX век: антология. – М., 1995. – С. 608–648. – 703 с.; Шеллинг Ф. Философия искусства. – М., «Мысль», 1966. – 496 с.; Шопенгауэр А. Избранные произведения. – М., 1992.
3. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. – М., 1989. – 304 с.
4. Гессе Г. Игра в бисер. – Новосибирск, 1991. – 461 с.
5. Дилтс Р. Сознание и творчество / пер.с англ. – М., 1998. – 192 с.
6. Левицкий С.А. Свобода и ответственность: основы органического мировоззрения. – М., 2003. – С. 26–264.
7. Мясичев В.Н. Психология отношений. – М., Воронеж, 1995. – 356 с.
8. Фрейд З. Психология бессознательного / пер. с нем. – М., 1990. – 448 с.; Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. – М., 1990. – 368 с.
9. Юнг К.Г. Человек и его символы. – М., 1997. – 368 с.